

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Е.С. Бабосова, канд. социол. наук, ст.н.с. отдела политической социологии и социологии права Института социологии НАН Белоруссии*

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

Н.А. Панич, канд. истор. наук, ст. преп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова***

РАЗВИТИЕ НЕОПАРСОНСИАНСТВА НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.

E.S. Babosova,
A.K. Mamedov,
N.A. Panich

THE INNOVATIONS IN THE THEORIES OF T. PARSONS AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Статья посвящена осмыслению неопарсонсианстских теорий на рубеже XX–XXI столетий. Констатируется возросший интерес к структурному функционализму как в развитии социологической теории, так и в прикладных социологических исследованиях. Показано, что предпринятая Т. Парсонсом попытка разработать категориальную систему, допускающую систематическую интеграцию социологического знания, которое объясняло бы все уровни общества и все формы движения социальной материи, затронула ученых в ведущих социологических центрах мира. Ассоциируемая с Т. Парсонсом структурно-функционалистская парадигма нашла свое выражение в институальных императивах “этоса науки” Р. Мертона, понимания науки как многоуровневого континуума Д. Александра, в концепции “двойной контингентности” Н. Лумана, культуры как сети символов К. Гирца, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теории структуриации Э. Гидденса, концепции человека действующего А. Турена и др.

Ключевые слова: структура, функция, структурно-функциональный анализ, социальная система, социетальная система, социальное действие, этос науки, presupпозиция, неофункционализм, коммуникации.

The article is dedicated to the conceptualization of the innovations in the theories of T. Parsons at the turn of the XX–XXI centuries. It is stated the increased interest for structural functionalism in the development of sociological theory as well as in applied research. The article illustrates that the attempt of T. Parsons to create a

* Бабосова Екатерина Сергеевна, e-mail: soccomsys@mail.ru

** Мамедов Агамали Куламович, e-mail: akmnauka@yandex.ru

*** Панич Наталья Александровна, e-mail: natalia.panich@mail.ru

system of categories enable to accept systematic integration of sociological science, explaining the existence of all the levels of the society and all the social forms in the process of movement of the matter, caused great interest among the scientists in the leading sociological centres of the world. The structurally-functionalist paradigm, associated with Parsons, was reflected in institutional imperatives of “ethnic science” by R. Merton, representation of science as a multilevel continuum, suggested by D. Alexander, in the conception/concept of “double contingency” by N. Luhmann, culture as a network of symbols by C. Geertz, the theory of communicative action by J. Habermas, in the theory of structuration by A. Giddens, the concept of the acting person by A. Touraine and etc.

Key words: *structure, function, structural and functional analysis, the social system, societal system, social act, the ethos of science, presupposition, neofunctionalism, communication.*

Популярность идей Т. Парсонса и оценка их значимости для развития социологической теории выстраиваются в волнообразную траекторию: достигнув пика своей популярности в середине XX в., затем социологическая парадигма стала утрачивать свои преобладающие позиции в сфере социологического теоретизирования, а с начала 80-х гг. XX столетия и вплоть до настоящего времени интерес к творчеству Парсонса не только возрождается, но и существенно усиливается, прежде всего в тех странах, где зарождаются ведущие социологические тенденции. Сегодня этот процесс актуализировался повсюду: в Германии это нашло отражение в теоретических работах Ю. Хабермаса, Н. Лумана, Р. Мюнха, в США — в трудах Р. Мертонса, С. Липсета, Н. Смелзера, Дж. Александера и др., в Великобритании — в исследованиях П. Коэна, Д. Аткинсона, С. Сэвиджа, во Франции — А. Турена, Ф. Шазеля, Л. Альтюссера, а также в работах социологов Италии и ряда других стран, включая Россию. Среди адептов и последователей Парсонса, несомненно, самым большим авторитетом в научном мире пользуются Роберт Мертон (1910–2003), Нейл Смелзер (р. 1930) и Джеффри Александер (р. 1945).

Широким признанием, конкурирующим с теоретическими концепциями самого Парсонса, среди социологов многих стран пользуется версия структурного функционализма, созданная и много лет развивавшаяся в трудах **Роберта Мертона**, в которых функциональный анализ должен выполнять ключевую роль в развитии социологической теории и в прикладных социологических исследованиях. Помимо этого, Мертон разработал гораздо более сложный (во всех отношениях) вариант функционального анализа, чем те концепции, которые предлагали до него А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский. Исходным пунктом его функциональной парадигмы является дальнейшее уточнение понятия “функция”. В ав-

торском понимании функция — это те наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы; все функции неразрывно связаны с определенной социальной структурой, они взаимозависимы, что выражено в сформулированной им теории, согласно которой “социальные функции организации помогают определить структуру (включая набор персонала, входящего в структуру), точно так же, как структура помогает определить эффективность, с которой выполняются эти функции”¹.

Следующим этапом в раскрытии функционалистской концепции Мертона стало последовательное применение метода функционализма, трактуемого в качестве стратегии упорядочения применяемых понятий и вычленения существенных социальных феноменов из несущественных. В парадигму функционализма включены категории функциональных требований к определенному социальному объекту, механизмов, посредством действия которых выполняются функции, функциональной необходимости, функциональных альтернатив действия. Мертон подчеркивал, что функциональные потребности субъекта действия могут быть удовлетворены некоей областью структурных альтернатив. Однако нет однозначной взаимозависимости, нельзя постулировать, что данной структуре соответствует только указанная функция, и, наоборот, что данная функция может выполняться только данной структурой. Сформулированная Мертоном основная теорема функционального анализа гласит, что точно так же, как одно и то же явление может иметь различные функции, так и одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями. Конкретизация функции, необходимая для удовлетворения определенной потребности, обеспечивается за счет уточнения класса структур, способных ее выполнить, введения принципа многоступенчатого системного рассмотрения с вычленением структурных единиц с определенными и сохраняющимися во времени структурами функции. Уточняя понятие “функция” в контексте различных исследовательских процедур, Мертон вычленил пять значений этого термина. Функция-1 выступает как общественное поручение, возложенное на конкретного исполнителя. Функция-2 — это специализированный род занятий, составляющий для индивида постоянный источник деятельности (в более узком смысле конкретная должность, связанная с определенным социальным статусом и определенными сферами ролевой активности). Функция-3 — математическая, когда (согласно наиболее распространенному и традиционному определению) переменная есть функция другой переменной или множества переменных,

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 183.

если ее значение однозначно определено значением (-ями) другой переменной (-ых). Функция-4 выступает как системообразующий принцип связи структурных единиц. Функция-5 проявляется как объективное следствие определенной деятельности, благоприятное для приспособленности системы к окружающей среде, в отличие от субъективных намерений деятелей, с которыми они приступают к реализации своих представлений функциональности. Последнее толкование является главным в функциональном анализе.

Большое значение для развития современной социологии имело четкое разграничение социологом видов функций — явных и латентных: “Явные функции — это те объективные результаты, способствующие регулировке или адаптации системы, которые осознают и планируют участники данной системы. Латентные функции, соответственно, те, которые они не планируют и не осознают”². Особо отмечается приоритетное значение для социологических исследований умения видеть, осознавать и оценивать сущность и роль латентных функций. Введение понятия латентной функции привело к выводам, показывающим, что социальная жизнь не так проста, как кажется сначала, и пока изучаются только явные функции определенных действий, социальная жизнь представляется вполне обычной, а ее картина мало отличается от представлений, основанных на “здравом смысле”. Но реальная социальная действительность очень часто насыщена противоречиями и конфликтами, которые ведут к неожиданным, парадоксальным ситуациям, здесь вступает в свои права применение понятия “латентная функция”, позволяющая не только увидеть, но и понять, объяснить непредвиденные последствия осуществляемых социальных действий, внести в них надлежащие корректировки на основе “ответственных социальных решений”³.

Одной из значимых заслуг Мертона в развитии социологии явилась разработанная им “теория среднего уровня” (1947), которая должна выступить в качестве соединительного элемента между бесчисленными эмпирическими исследованиями и общей социологической теорией наиболее высокого уровня научной абстракции. Классическим образцом построения социологической теории среднего уровня признана разработанная Мертоном концепция девиантного поведения в ее органической взаимосвязи с развитой и конкретизированной им дюркгеймовской теорией аномии.

Придавая большое значение эмпирическим исследованиям, Мертон обращал особое внимание на то, какое влияние оказывают

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 167.

разнообразные виды последствий эмпирического исследования на развитие социологической теории. Такое исследование не только подтверждает определенные теоретические концепции, но и закладывает основы социологической теории, заново формулирует, переориентирует и уточняет ее, тем самым обогащает теоретическое знание. Мертон внес существенный вклад в развитие теории референтных групп, в разработку их классификации в органической взаимосвязи со структурным контекстом референтно-группового поведения, в развитие социологии познания и массовых коммуникаций.

Мертон также стал родоначальником конституирования социологии науки в качестве относительно самостоятельной научной дисциплины, обстоятельно исследовал социокультурные предпосылки возникновения науки как социального института, подчеркнув решающую роль пуританской религии и морали в становлении науки Нового времени. Он сформулировал институциональные императивы “этоса науки” — универсализм, коллективизм, незаинтересованность (бескорыстие), организованный скептицизм. Из этих императивов, рассматриваемых в органическом единстве, он выводил институциональную цель науки — генерирование и расширение достоверного знания, добываемого в процессе творческой научной деятельности. Мертон обстоятельно проанализировал социальные последствия возникающих на базе науки технологических изменений и степень их социально-экономического влияния на развитие общества, на формирование и функционирование его структур⁴.

Существенный вклад в развитие функционалистской социологии внес также талантливый ученик Парсонса, профессор калифорнийского университета в Беркли *Нейл Селзер* — автор ряда фундаментальных трудов в области экономической социологии, теории социальных изменений и методологии сравнительных исследований, теории коллективного поведения, взаимодействия личности и социальных систем (“Экономика и общество” (1956), совместно с Парсонсом, “Социальные изменения в индустриальной революции” (1959), “Теория коллективного поведения” (1962), “Социология экономической жизни” (1963), “Эссе о социальном объяснении” (1968), “Социологическая теория: современный взгляд” (1971), “Сравнительные методы социальных наук” (1976), “Социология” (1988, русский перевод 1994)).

⁴ Мамедов А.К. Этические параметры развития современной науки (опыт институционального анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 53–64.

В соответствии с базовыми принципами функционализма Смелзер характеризует общество как живой организм; социальные системы, как он полагает, сохраняют устойчивость, поскольку в них функционируют такие внутренние механизмы контроля, как правоохранительные органы и суд. Происходящие в них изменения, по его убеждению, имеют обычно (кроме крайних случаев) постепенный, а не революционный характер. Социальная интеграция осуществляется на основе согласия большинства граждан страны следовать единой системе ценностей и норм, которая является самым устойчивым остовом социальной системы. Наибольшее значение в обеспечении устойчивости общества имеет взаимосвязь между экономическим развитием страны, ее политической структурой и стабильностью. Приоритетной значимостью в этой взаимосвязи обладает политическое устройство, которое «можно определить как совокупность идеологий и институтов, формирующих политическую деятельность внутри общества. В основе политической системы лежит понятие власти, [которая (Прим. Е.Б., А.М.) ...предполагает способность навязать свою волю другим и мобилизовать ресурсы для достижения поставленной цели]»⁵. Говоря о необходимости углубленного исследования происходящих в последние десятилетия коренных трансформаций в современном мире, Смелзер призывает не превращать теорию социальных изменений во всеобщую панацею, а наряду с происходящими крупномасштабными переменами уделять достойное внимание примордиальным первичным структурам общества, к которым относятся семья, личность, культура и образование.

Наиболее существенную творческую роль в развитии и переинтерпретации постпарсоновского этапа в развитии структурно-функционалистской теории социальной системы, на наш взгляд, играет один из наиболее авторитетных в современном мировом социологическом сообществе мыслителей *Джеффри Александер*, который важнейшей задачей современного неофункционализма считает воссоединение теории действия и теории структуры «постпарсоновским способом»⁶. На путях решения этой задачи он внес существенные дополнения в развитие теории социальной структуры и осуществление адекватного подхода к пониманию, истолкованию контингентности действия. Первая серьезная попытка реконструкции теории Парсонса, нацеленная на демонстрацию заложенных в ней возможностей, была предпринята Александером в статье 1978 г. «Формальный и субъективный волюнтаризм в работе Толкотта Парсонса: теоретическая и идеологическая переинтерпретация»,

⁵ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 544.

⁶ Alexander J. Action and Its environments: toward a new synthesis. N.Y., 1988. P. 2.

в которой он предложил новый синоптический взгляд на теоретическое развитие идей Парсонса и их внутреннюю динамику. В трактовке автора главная тема теории Парсонса вовсе не функционирование систем, как часто предполагается, а проблема волюнтаризма действия, социальных оснований индивидуальной свободы и автономии, соединение свободы действия и социального порядка. Александер предлагает следующую логику развития теории Парсонса: от абстрактных философских пресуппозиций (формальный волюнтаризм) к их спецификации и выходу на эмпирический уровень анализа (субстантивный волюнтаризм), при этом уточняется, что пресуппозиции — это фундаментальные философские и эпистемологические допущения относительно природы изучаемой реальности, имеющие предельно абстрактный характер и определяющие основные параметры научной работы на всех ее уровнях. Таким образом, Александер выходит на метатеоретический анализ научной деятельности, выдвигает свою предельно общую эпистемологическую схему, близкую по своей структуре к парсонсовскому кибернетическому континууму. Он предлагает понимать науку как многоуровневый континуум, особый вид деятельности, представленный в виде системы, аналитически разделяющейся на несколько иерархически упорядоченных, относительно независимых друг от друга, но при этом взаимосвязанных уровней научной деятельности. Пресуппозиционный уровень теории, считает он, в том числе и в сфере социологии, оказывает решающее влияние на аналитическое структурирование событий и процессов эмпирической жизни и их корреляций, ибо устанавливается общая система координат для соотнесения различных версий социологии как классических, так и самых современных. Каждый уровень относительно автономен и в то же время взаимосвязан со всеми другими. Непонимание подлинной природы автономии и связи разных уровней научного континуума составляет, по мнению Александера, корень “шумов” современной социологии. Идеалом, к которому должна стремиться социология, является гармоничное, непротиворечивое соединение элементов, относящихся к разным уровням. В существующих ее вариантах такой внутренней гармонии нет, и хотя указанный идеал не может быть реализован в полной мере, к нему нужно стремиться, тогда как непонимание связи абстрактных и конкретных элементов в социально-научной аргументации препятствует этому движению. Вместе с тем, непонимание относительной автономии разных уровней теоретической и эмпирической работы приводит к таким типичным ошибкам, как редукция и конфляция.

Особое внимание Александер уделяет роли пресуппозиций (попытки социологии уйти от философии делают ее заложницей не-

решенных принципиальных проблем), под которыми, повторим, он понимает фундаментальные эпистемологические допущения относительно природы изучаемой реальности, имеющие предельно абстрактный характер и определяющие основные параметры научной работы на всех уровнях научного континуума. Центральные проблемы, которые должны быть решены социологией на пресуппозиционном уровне, — проблемы действия и порядка. Хотя пресуппозиции не поддаются непосредственной верификации и фальсификации, есть некоторый стандарт их оценки — многомерность. Если считать общим вектором развития социальных наук движение от узких и односторонних пресуппозиционных подходов (таких, как инструменталистское толкование действия в классической политэкономии) к многомерному пресуппозиционному синтезу, то дальше всех по этому пути, с точки зрения Александера, пошел Парсонс. Однако поскольку Парсонс допустил при этом ряд упущений, его теоретический синтез нуждается в дальнейшем развитии. Исходя из этого, Александер пытается дать иное решение принципиальных проблем действия и порядка: социальное действие детерминировано тремя основными составляющими — культурой, индивидуальностью и социальной системой. Социолог вводит в научный оборот термин “неофункционализм” (1985), отмечая вступление функционалистической тенденции в социологии в этап реконструкции, с целью “подчеркнуть два момента — преемственность и внутреннюю критику теории Парсонса”⁷. Далее отмечается: «Поскольку ядро подвергается существенным сдвигам, не прерывая своей связи с основополагающей традицией, начинается теоретическая деятельность, которую мы назовем “реконструкцией”. Она отличается от “совершенствования” и “ревизии” тем, что четко признаются расхождения с основателем данной традиции и определенно выражается открытость другим традициям. Реконструкция может оживить теоретическую конструкцию даже в том случае, когда создает предпосылки для зарождения новых»⁸.

Осуществляя теоретическую реконструкцию социологических доктрин, он отстаивает “новую теоретическую логику социологии”, составляющую основу пропагандируемой им многомерной социологии, которая должна интегрировать в себе цельную трактовку социального действия как особой природы норм и мотивации, а также понимания социального порядка как определенным образом упорядоченного и взаимосвязанного множества действий.

⁷ Александер Дж. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 113.

⁸ Там же. С. 116.

Само же действие интерпретируется как выполнение деятельности человеком, которое должно быть закодировано культурными системами (макроизмерения) и мотивировано индивидуальностью (микроизмерения). Однако индивидуальности и культурные коды не исчерпывают содержания человеческой субъективности необходимо еще одно важное измерение деятельности, каковым является свобода воли, которая в социологическом смысле предстает в качестве процесса, включающего в себя изобретательность, типичность и стратегию. Все три названных компонента в своем взаимодействии образуют социальные структуры, синтезируемые в социальной системе. Сама же система в своем функционировании предстает в качестве упорядоченной совокупности политических, экономических, экологических и иных отношений и цепочек, которые люди выстраивают в процессе их взаимодействия во времени и пространстве. Определяя основные параметры многомерного социально-структурного анализа, американский социолог уделяет особое внимание выявлению и прояснению взаимосвязей между материальными и нормативными элементами социальной структуры, теоретической экспликации коллективистской трактовки волюнтаристского действия и “рассмотрению социальных структур в конкретных исторических контекстах”⁹. Под этим углом зрения разрабатывается программа развития теории дифференциации, в процессе чего имеется в виду, что современная социальная реальность характеризуется неровной и многомерной дифференциацией, процессы которой наполнены специфическими историческими напряжениями. Для этого необходимо преодолеть как макросоциологические, так и односторонние микросоциологические подходы на пути их взаимного сближения в исследовании меняющейся социальной действительности, что представляется возможным только при осуществлении многомерного теоретического синтеза. Чтобы правильно объяснить такую амбивалентность социальных феноменов, “знание на одном уровне должно строиться так, чтобы его можно было связать со знанием на другом уровне”¹⁰. Этот теоретико-методологический подход к социокультурной реальности последовательно применяется в разработанной Александером на рубеже веков теории культуральной социологии. Он противопоставляет эту интегративную теоретическую доктрину социологии культуры, и если вторая, по его утверждению, имеет дело с материальными культурными объектами, с производством и распространением идей, с ценностями, нормами и образами поведения, то

⁹ Alexander J. The civil sphere. N.Y., 2006. P. 37.

¹⁰ Alexander J. Action and Its environments: toward a new synthesis. N.Y., 1988. P. 304.

сущность первой заключается в исследовании культуральных структур, сформированных в контексте более или менее устойчивых смыслов социальной жизни, находящихся в бинарной оппозиции по отношению друг к другу (например: добро — зло, священное — вульгарное, демократический либерализм — демократическая репрессия). Например, зло в его интерпретации предстает как “культурно сконструированное коллективное представление, как результат смыслового кодирования, т.е. культурологического осмысления какого-то явления, события, процесса в качестве плохого, приносящего страдания и способного быть привнесенным в каждую социальную сферу — в интимную сферу семьи, в мир науки, религию, экономику, управление”¹¹.

Современное общество, находящееся в состоянии постмодерна, утверждает Александер, наполнено множеством целенаправленно созданных культурных структур, каковыми являются имиджи, бренды, нарративы, мифы, под влиянием которых социальная жизнь движется взад и вперед “между трансцендентальным языком сакральных ценностей добра и вульгарных символов зла”¹². В таких условиях происходит актуализация плюрализирующейся социальной реальности, существенно усложняющейся в контексте возрастающей значимости факторов виртуальности в создании смысла посредством символов, знаковых кодов, симулякров. В результате этого в социальных ожиданиях и предпочтениях людей “фактические суждения и фиктивные нарративы плотно переплетены. Бинарности символических кодов и истинных/ложных суждений накладываются друг на друга”¹³. Такие противоречивые, подчас латентные смыслы в процессе нелинейной, зачастую непредсказуемой динамики сливаются в парадоксальные синтезы, создавая в массовом сознании привлекательные образы одного актора (певца, актера, бизнесмена, политика и т.п.) и отталкивающие — другого. Александер приводит примеры воздействия такого рода культуральных структур не только в сфере культуры, но также в сферах социальной жизнедеятельности и политики, в частности в области борьбы за власть в современных США. Успешно решать многомерную и сложную задачу, изучения “смыслов социальной жизни и социальной жизни смыслов”¹⁴, по утверждению теоретика, призвана выдвигаемая им “культуральная социология”, имеющая целью всестороннее исследование “культурной среды действия”.

¹¹ *Alexander J.* The meanings of social life. A cultural sociology. Oxford, 2003. P. 115.

¹² *Ibid.* P. 4.

¹³ *Ibid.* P. 5.

¹⁴ *Alexander J.* Formal and substantive voluntarism in work of Talcott Parsons: a theoretical and ideological reinterpretation // *American Sociological Review.* 1978. Vol. 43. P. 9.

Такой подход, по его мнению, позволяет доказать, что культурные феномены не являются вещью или фактом (в Дюркгеймовском понимании), а воплощаются в изменениях, не являются зависимой переменной, а представляют собой линию, проходящую сквозь каждую возможную социальную форму. Следовательно, основное предназначение культуральной социологии — выяснение внутренней культурной архитектоники социального смысла посредством анализа культурных кодов и символических действий.

В неопарсонсианском функционализме существенное место занимают также ученики Парсонса — Кингсли Дэвис и Клиффорд Гирц, хотя степень их влияния, безусловно, заметно меньше, чем вышеупомянутых Дж. Александера, Р. Мертона или Н. Смелзера.

Основной тренд научной деятельности *Кингсли Дэвиса* — развитие и конкретизация функционалистской теории стратификации: во всех обществах существуют социальные позиции, объективно обладающие гораздо большей функциональной значимостью по сравнению с другими, но для этого требующие специальной квалификации. Однако существует определенный дефицит такой квалификации, поскольку талант — явление редкое, а обучение отнимает много времени и ресурсов, и чтобы существующий в данном случае разрыв, приводящий к дефициту, минимизировать, необходимо стимулировать нужных индивидов к повышению и развитию своей квалификации. Основными средствами стимулирования должны стать материальное вознаграждение и достижение высокого социального статуса, приносящего вместе с собой повышение функциональной значимости. При обеспечении таких условий социальная стратификация может сформировать ситуацию, в которой наиболее высокие социальные позиции станут занимать наиболее способные и ответственные люди, а это будет стимулировать эффективное функционирование общества.

Клиффорд Гирц подчеркивал гуманитарную направленность социальных наук и их интерпретативный характер. Он сформулировал концепцию культуры как сети символов, своеобразной ткани, интегрирующей и определяющей направленность социальных действий. Чтобы правильно понять эту особенность культуры и ее роль в развитии общества, утверждает автор, необходима герменевтическая адекватность социокультурной аналитики, позволяющей определить пределы автономии культуры в развитии социальных систем.

Толкотт Парсонс оказал значительное влияние на развитие социологии не только в Новом Свете и не только на тех социологов, которых можно с полным правом назвать приверженцами неофункционализма, но также и на представителей иных социологических

направлений и школ. Существенное влияние этот выдающийся американский социолог оказал на *Никласа Лумана* (1927–1999) как в период стажировки последнего на социологическом факультете Гарвардского университета, что вполне естественно, так и в процессе всего его наукотворчества. Это влияние отчетливо прослеживается и в лумановской общей теории социальных систем, и в концепции двойной контингентности, и в более обширной трактовке теории социального действия, приобретшей очертания общей теории социальных коммуникаций. Опираясь на основные теоретические установки своего гарвардского учителя, Луман заявил о необходимости формирования “универсальной теории социологии, на что со времен Парсонса больше никто не отваживался”¹⁵. Ядром этой универсальной теории Луман, как и Парсонс, считает социальную систему. Под системой Луман понимает нечто, способное отличать себя от внешней среды и воспроизводить эту границу. Именно под такое определение системы подпадает, по его мнению, и само общество. Оно тем и отличается, что постоянно производит различия себя и внешней среды, различия, дающие ему право именоваться системой. Эта система является самовоспроизводящейся, в том смысле, что акт воспроизводства не предполагает воссоздаваемости и воспроизводимости причин и условий производства. Эти причины и условия могут видоизменяться, что приводит к развитию системы, но это различие должно быть воссоздано в дальнейшем развитии системы: общество выступает не только самовоспроизводящей, но и самореферентной системой, что означает его способность наряду с самовоспроизводством осуществлять описание самого себя, воспроизводя и само это описание. При таком понимании социальной системы ее элементами оказываются не люди или их действия, а коммуникации между ними. Коммуникации можно разложить на действия, которые возникают для упрощения системой самой себя, для преодоления ею собственной сложности. Коммуникация в таком случае становится не просто передачей информации, а смысловым, самореферентным процессом, приводящим к определенному структурированию социальной системы. Делая общий вывод из этих концептуальных положений, Луман формулирует свое теоретическое кредо следующим образом: “Мое предложение — положить в основу понятие коммуникации и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия”¹⁶. Итак, в предлагаемой Луманом постмодернистской социологической теории в центр

¹⁵ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 18.

¹⁶ Там же. С. 31.

внимания выдвигаются два взаимосвязанных понятия — “коммуникация” и “система”. В теории Лумана коммуникация выступает тем элементарным процессом, который конституирует, создает социальную реальность. Этот процесс характеризуется определенным “смыслом”, поскольку в нем всегда присутствуют нереализованные возможности событий и действий, каждое из которых могло быть тем, каким стало, или совершенно иным, вследствие чего человек постоянно осуществляет выбор из многих возможностей. Выборочными являются внимание и понимание отправителя и получателя сообщений, содержание информации и способ ее передачи (восприятие). Процесс коммуникации замкнут на себе, ибо в него включены только те индивиды, которые коммуницируют между собой, следовательно, он самореферентен. Каждый из коммуницирующих знает, что восприятия его партнера, как и приходящие ему самому сообщения, могли бы быть и другими. Эту вариантность сообщения и его восприятия Луман вслед за Парсонсом называет “двойной контингентностью”. В процессе коммуникации получатель сообщения может принять или отклонить его. Отклонение тоже является актом коммуникации, поскольку одно и то же сообщение может иметь разный смысл для разных людей (например, сообщение о мяче, забитом в ворота одной из футбольных команд или победе одной из них), в коммуникации заключена возможность разногласия, “потенциального конфликта”. Такой конфликт превращается в социальную реальность в случае отказа, отклонения коммуникации. В этом случае коммуникаторы (как отдельные индивиды, так и целые социальные системы) оказываются перед выбором: избежать конфликта или же разрешить возникшую проблему посредством давления, влияния, насилия. Социальные системы, как считает Луман, многообразны, а в их совокупности можно выделить три основных типа. Первый из них — *системы взаимодействия*, которые возникают и функционируют в тех случаях, когда присутствующие индивиды воспринимают друг друга, а также воспринимают само взаимное восприятие. Личное присутствие является здесь принципом формирования границ таких систем. Примерами могут служить семейный ужин (в отличие от самой семьи), игра в покер, массовая демонстрация, поездка на такси. В каждом из подобных случаев присутствующие имеют приоритетное рассмотрение, а забота об отсутствующих уменьшается, независимо от того, каково их влияние. Второй тип систем — *социетальные системы*, они свободны от каких-либо ограничений, являются всеохватывающими, независимыми и “авторитарными”. В качестве примера такой системы можно привести мировое общество, являющееся не просто совокупностью личностных и

межличностных взаимодействий и состоящих из них систем, но системой более высокого порядка. Ее регулятивные принципы автономны по отношению к принципам формирования границ и самоселекции (самоотбора), специфичного для систем непосредственного взаимодействия. Третий тип социальных систем представляют *организации*, которые формируются и функционируют в соответствии с новыми принципами границетворчества и селекции, занимая квази-промежуточное положение между системами взаимодействия и системой общества в целом. Организациями являются те системы, которые связывают членство в них с определенными условиями. Безличные правила членства в таких системах (например, подчинение руководству в обмен на заработную плату) несмотря на возможность собственного изменения и добровольность выбора способствуют длительной стабилизации определенных способов поведения. Благодаря этому становится возможным достижение общего равновесия между системой и требованиями к индивидуальному поведению, способствующее независимости организации от спонтанных личных мотивов, ценностей, нормативного консенсуса.

Влияние Парсонса прослеживается и в разработанной выдающимся современным немецким социологом Юргеном Хабермасом (р. 1929) теории коммуникативного действия, и во всесторонне обоснованной не менее выдающимся английским социологом Энтони Гидденсом (р. 1938) теории структуриации, и в активно отстаиваемой известным французским социологом Аленом Туреном (р. 1925) концепции человека действующего. Все названные социологи, развивая свои собственные социологические доктрины, так или иначе многократно опирались и ссылались на идеи Парсонса.

Используя основные политические положения о природе и сущности политической системы и о роли политической власти, разработанные Парсонсом и Луманом, немецкий функционалист *Рихард Мюнх* конкретизирует их в несколько иной плоскости. Основное направление его исследовательской программы политических систем находится в сфере ресурсной и мобилизационной политической динамики, что создает фундированную теоретико-методологическую основу процессуального истолкования сущности и особенностей функционирования политики. Мюнх подчеркивает, что для адекватного понимания данного социального феномена необходимо “выйти за рамки внутренней структуры и динамики этого процесса и представить его в общей связи общества и культуры”¹⁷. Такое панорамное понимание развития политиче-

¹⁷ Мюнх Р. Неофункционалистский подход: политика как общественный процесс // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 6.

ской сферы общества в ее органической связи с культурой приводит Мюнха к выводу, согласно которому “современные общества характеризуются повышенным динамизмом, неопределенностью, непредсказуемостью и противоречивостью как самих политических действий и событий, так и их последствий”¹⁸. Теоретическое осмысление основных тенденций политического развития общества, согласно Мюнху, нуждается не только в политической науке, но и в социологии. Первая из них исследует формирование и осуществление политики с точки зрения правления. “Политическое управление, — по его утверждению, — это вопрос генерирования и применения власти эффективным и демократически легитимным способом... с социологической точки зрения мы обращаемся к этому же процессу как к урегулированию разносторонних общественных конфликтов, возникающих между правительством и обществом”¹⁹. В соответствии с новейшими выводами социологии конфликтов Мюнх рассматривает общественные конфликты не только в их деструктивных вариантах и функциях, но и в качестве конструктивных факторов общественного обновления. “Мы, — утверждает он, — сосредоточиваемся на вопросах, как могут выявляться и улаживаться конфликты, каким образом в сферу урегулирования конфликтов включаются новые ценности, политические цели и интересы, иначе говоря, как может происходить общественное обновление”²⁰. Мюнх считает важным установление различия между политической властью и влиянием. “В отличие от политической власти влияние зиждется не на распоряжении доступом к государственной монополии насилия, но на солидарности, внимании, уважении, репутации, преданности или притязания на руководство”²¹. Этими различиями в свою очередь определяется и различие ценностных суждений об эффективности и значимости данных политических феноменов. “Ценность политической власти, — отмечает Мюнх, — определяется широтой и глубиной реализации политических программ в обществе, ценность влияния — шириной и глубиной поддержки политических программ и содействия им в обществе”²². Вопрос же о том, в какой мере та или иная политическая программа получит необходимое одобрение в обществе, в существенной степени решается в зависимости от степени связанности с господствующими в обществе культурными ценностями и обусловленности ими. “Объективно обоснованные политиче-

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 8.

²² Там же. С. 9.

ские решения только тогда становятся легитимными, когда они становятся совместимыми с укоренившимися в культуре базовыми ценностями и нормами (основными правами) и содействуют их претворению в жизнь”²³. В процессе разворачивания конфликта в политической сфере акторы чаще всего исходят из того, что выигрыш одного в каждом случае — проигрыш другого, и потому ведут борьбу. “Чтобы устоять в этой игре, — пишет он, — необходимо прежде всего укрепить и расширить власть. Поэтому разрешение конфликта обостряется до борьбы за власть”²⁴. Одна из особенностей конфликтных взаимодействий в современном обществе, считает Мюнх, заключается в том, что в демократических странах складывается тенденция к утверждению конкурентной модели политического развития в рамках плюралистической многоуровневой демократии. Наиболее перспективной формой управления конфликтами в условиях плюралистической конкурентной демократии он считает кооперативный менеджмент конфликта, для чего необходимо конструирование “множества площадок кооперативного менеджмента конфликтов от локального до глобального уровня”²⁵. Но в процессе исследования системы таких площадок, сетует он, “в глобальном модерне национально-государственная интеграция является помехой для прогресса европейской и глобальной интеграции”²⁶. В процессе разворачивания площадок кооперативного менеджмента конфликтов, по его мнению, “успех больше зависит от способности индивида быть ответственным, чем от тотальной опеки со стороны государства... поэтому успешный кооперативный менеджмент конфликтов в наибольшей степени осуществим на основе сплоченного и активного гражданского общества”²⁷. Мюнх подчеркивает, что “в структурном отношении современная политическая система все больше дифференцируется”. По его убеждению в многокомпонентной экспозиции сетей политики “следует различать три основных структурных компонента политического контекста: 1) авторитетные сопричастные специалисты, 2) институциональные правила политической практики, 3) основополагающая для данного общества (политическая) культура”²⁸. Поскольку в процессе современного общественно-политического развития увеличивается множественность рисков, которые все чаще приобретают комплексный характер, то, безус-

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Там же. С. 19.

ловно, возрастает необходимость учета рисков, прежде всего в процессе разработки и реализации политических решений. Отсюда вытекает непреложное требование осуществления “все более широкой мобилизации научной и технической экспертизы”, что будет содействовать “усилению адаптивной способности к ставшим намного более комплексными рискам”²⁹.

Умножение комплексности окружающего мира в форме комплексных технических рисков неминуемо влечет за собой, утверждает Мюнх, усиление комплексности методов принятия политических решений. При разработке и осуществлении таких решений, считает он, необходимо учитывать, что “наука, техника, индустрия образуют инновационный комплекс, функционирующий в качестве мотора динамики развития”³⁰.

Развивая и конкретизируя парсоновскую идею о связи кризиса власти с процессами политической инфляции и дефляции, Мюнх подчеркивает, что в процессе развертывания политических процессов нередко возникают фазовые колебания политической власти, политического влияния, а также сопряженных с ними ценностных обязательств, равно как и денежных курсов. Инфляция политической власти приводит к девальвации политических решений: сначала решения начинают игнорироваться, а потом их перестают выполнять. “Во время инфляции политической власти для исполнения одних и тех же законов приходится все чаще прибегать к легитимному насилию... Обратная динамика, дефляция, хотя и повышает ценность коммуникационных посредников, но делает это за счет уменьшения их доступности, так что эффективность вынесения политических решений снижается из-за недостатка политической власти, влияния, денег, и потому общество лишь в ограниченном масштабе может быть политически организовано и политически управляемо”³¹. Опираясь на основные положения парсоновской теории изменений, при разработке логики и траектории изменений на двух видах функциональных дефицитов Мюнх обращает внимание на дефицит “технических инноваций и одновременно политического управления, контролирующего технические риски”³². Теоретические предпосылки исследования и преодоления названных дефицитов, а также кооперативного менеджмента конфликтов в современном обществе, как утверждает Мюнх, могут быть созданы, а затем и реализованы в практике

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же. С. 23.

принятия и осуществления неофункционалистского подхода к политике как к общественному процессу.

Даже те социологи (а их было и есть немало), которые подвергали критике определенные социологические установки Парсонса, признавали его выдающуюся роль в развитии социологии. В частности, известный социолог Ральф Дарендорф (1929–2008), упрекавший Парсонса в использовании специфической терминологии, излишней сложности его понятийного аппарата, а также в недооценке роли конфликтов в развитии общества и в конструктивном разрешении возникающих в нем проблем, утверждал, что “благодаря Парсонсу социология больше, чем когда-либо прежде, приблизилась к статусу зрелой науки”³³. Столь высокую оценку он аргументировал тем, что Парсонс предпринял “грандиозную попытку разработать категориальную систему, допускающую систематическую интеграцию социологического знания”³⁴.

Следует согласиться с мнением профессора Петра Штомпки о том, что Парсонс — “главная фигура в американской социологии после Второй мировой войны и вплоть до 1970-х годов”³⁵. Можно признать вполне обоснованным утверждение профессора С.А. Кравченко, согласно которому “Парсонс пытался сделать в социологии то же, что в физике стремился совершить великий Альберт Эйнштейн — создать всеохватывающую социологическую теорию, которая объясняла бы все уровни общества и все формы движения социальной материи”³⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Дж. Неофункционализм сегодня: восстанавливая теоретическую традицию // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 112–120 (*Aleksander Dzh.* Neofunkcionalizm segodnja: vosstanavlivaja teoreticheskuju tradiciju // Sociologicheskie issledovanija. 1992. N 10. S. 112–120).

Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., 2002 (*Darendorf R.* Tropy iz utopii. M., 2002).

Кравченко С.А. Культурная социология Дж. Александра (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал Российской академии наук. 2010. № 5. С. 13–21 (*Kravchenko S.A.* Kul'turnaja sociologija Dzh. Aleksandera (genezis, ponjatija, vozmozhnosti instrumentarija) // Sociologicheskie

³³ *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. М., 2002. С. 331.

³⁴ Там же. С. 330.

³⁵ *Штомпка П.* Социология. М., 2008. С. 128.

³⁶ *Кравченко С.А.* Культурная социология Дж. Александра (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования: научный и общественно-политический журнал Российской академии наук. 2010. № 5. С. 13–21.

issledovanja: nauchnyj i obshhestvenno-politicheskiy zhurnal Rossijskoj akademii nauk. 2010. N 5. S. 13–21).

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007 (*Luman N.* Social'nye sistemy. Ocherk obshhej teorii. SPb., 2007).

Мамедов А.К. Этические параметры развития современной науки (опыт институционального анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 53–64 (*Mamedov A.K.* Jeticheskie parametry razvitija sovremennoj nauki (opyt institucional'nogo analiza) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2011. N 1. S. 53–64).

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006 (*Merton R.* Social'naja teorija i social'naja struktura. M., 2006).

Мюнх Р. Неофункционалистский подход: политика как общественный процесс // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 6–26 (*Mjunh R.* Neofunkcionalistskiy podhod: politika kak obshhestvennyj process // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. T. 9. N 1. S. 6–26).

Смелзер Н. Социология. М., 1994 (*Smelzer N.* Sociologija. M., 1994).

Штомпка П. Социология. М., 2008 (*Shtompka P.* Sociologija. M., 2008).

Alexander J. Formal and substantive voluntarism in work of Talcott Parsons: a theoretical and ideological reinterpretation // American Sociological Review. 1978. Vol. 43. P. 177–198.

Alexander J. Action and its environments: toward a new synthesis. N.Y., 1988.

Alexander J. The meanings of social life. A cultural sociology. Oxford, 2003.

Alexander J. The civil sphere. N.Y., 2006.